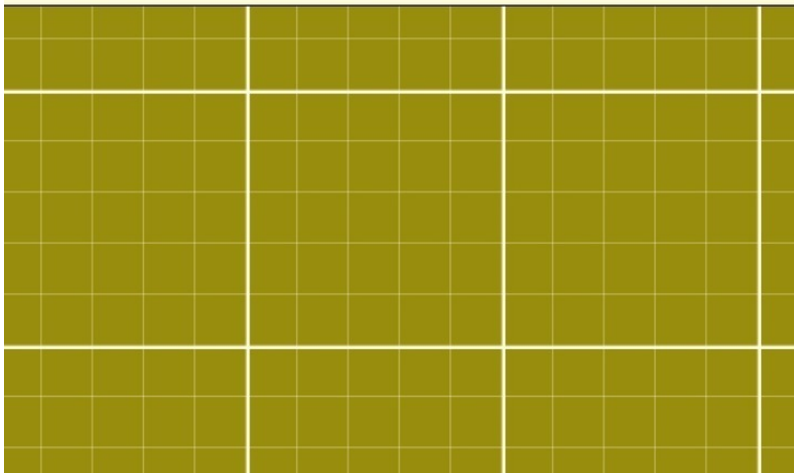


Савелий Баргер

Мудрецы из Хелма

Хелмер хахамим



Савелий Иосифович Баргер

Мудрецы из Хелма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17804957

ISBN 9785447460358

Аннотация

Мудрецы из Хелма – забавные чудаки еврейского местечка, которые любят, ревнуют, совершают глупости. Они очень близки жителям болгарского Габрово, как и габровцы, долго и успешно живут в анекдотах и песнях.

Мудрецы из Хелма

Хелмер хахамим

Савелий Баргер

© Савелий Баргер, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ксендз хелмского костела Кароль Шледжик очень любил зайти вечером в гости к хелмскому раввину. Они не вели теософские диспуты, мирно играли пару-тройку партий в шашки, иногда перекидывались в картишки, играя исключительно в «шестьдесят шесть». Пан Кароль отдавал должное пирожкам и печеню, испеченным рабанит к чаю, обсуждали хелмские сплетни, называя их городскими новостями.

И вдруг, протягивая руку за очередным пирожным пан Кароль сказал:

– За что я вас, евреев, люблю – что вы Езуса Христуса распяли...

– Как это?! – несказанно удивился хелмский раввин, услышав такое заявление.

– Ну все-таки, одним меньше...

В гости к хелмскому раввину зашел сосед и приятель Янкель, поболтать, попить чайку, отведать вкуснейшего печенья, испеченного рабанит. Неторопливый разговор обо всем на свете и ни о чем.

– Сосед наш Вацлав Косицкий пьет горькую уже вторую неделю. Скоро из дома поплывет мебель – на работу ведь не ходит, а водки требуется все больше и больше. Бедная Марыля, бедные дети... Налейте, ребе и нам по единой, супруга ваша готовит такую замечательную настойку на смородиновых почках!

После короткой паузы Янкель продолжил:

– А не скажете вы мне, ребе, почему среди евреев не встречается горьких пьяниц? Бывает, конечно, что кто-то и выпьет лишнего, но так, чтобы пить неделями, продавать вещи из дома...

– Не так много вещей в доме еврея, чтобы было что продавать, реб Янкель. А еще я заметил, что Г-дь наш очень редко наказывает кого-нибудь дважды. Если женщина глупа, то она хотя бы красива. Если пала лошадь у биндюжника, то он может быть уверен, что пожара в его доме не случится много лет. У Гурвичей младшая дочка сбежала из дома с гоме – можно быть уверенным, что старшая сделает хорошую партию, может быть даже с самим Ротшильдом. Согласитесь, что быть евреем и пьяницей слишком тяжелая кара!

– Ребе, я постоянно борюсь с желанием убить мою Сарочку, мою женушку! Она запилила меня своими придирками, житья нет никакого!

– Может быть, Хаим, тебе просто развестись с ней?

– Нет, ребе, развестись с ней я не хочу, я люблю ее, но убить ее я готов!

– Ты знаешь, Хаим, ты не одинок... совсем недавно ко мне приходили с точно таким же вопросом – хотят убить, но не разводиться. И знаешь, кто приходил?

– ?

– Твоя Сара.

– !!!

– И знаешь что, её шансы предпочтительнее. Гольдман принимает ставки в своей букмекерской конторе, пока что ты идешь один к трем. Может быть, все-таки развод?

Хелмский раввин пришел домой, вымокнув под дождем до нитки, даже теплые кальсоны. которые он предусмотрительно надевал, выходя из дома, были мокрые. Удивительно (или не очень?), но под мышкой он держал свой большой зонт, который тоже был абсолютно мокрым.

– Ребе, удивленно спросил его лучший ученик Йоси, который удивленно наблюдал, как учитель переодевался в сухое, – если бы вы были сухим с мокрым зонтом, я бы понял.

Если бы вы были мокрым, а ваш зонт был сухим, я тоже понял бы – вы держали его так, чтобы сберечь от дождя. Я даже догадался бы, если и вы, и зонтик были сухими – я догадался бы. что сегодня на улице не шел дождь. Но почему вымокли вы и промок ваш зонт?!

– Что тебе сказать Йоси... человек не бывает абсолютным праведником, ими не были праотец наш Авраам, его сын Ицхак и внук Иаков-Израиль. Не был исключительным праведником великий Моше. Но даже такие люди, как Александр Яннай и Великий Ирод не были только злодеями... И вся эта история с моим мокрым бельем и не менее мокрым зонтом ... Я надеюсь, ты никому не расскажешь о том, что видел сегодня? Когда пошел дождь, я пытался вспомнить, что писал Раши о долгах наших и просто забыл раскрыть зонт. А когда я вспомнил о зонте его уже поздно было раскрывать, чтобы спастись от текущей сверху воды. Да и зачем мне сухой зонт, если подштанники мои были уже мокрыми?

– Послушайте, ребе, вы всегда умеете дать совет, – молодой Нахумчик не любил тянуть длинную скамейку, он всегда шел прямо к цели, – вы умеете разъяснить сложное место в Талмуде и мне иногда кажется, что создавая Мишну раббейну Моше прямо таки советовался с вами.

– Нахум, пойди на кухню к ребецн, там у нее лежит гусь и можешь морочить ему голову сколько хочешь. Что ты име-

ешь спросить у меня? Ты уже решил жениться и пришел ко мне с этим?

– Ни-ни-ни! Не приведи Б-г, я еще не готов, а вы ведь не хотите, чтобы день моей свадьбы стал для меня девятым ава*? Но вопрос мой и о женитьбе тоже, вы умеете угадать вопрос, когда я его еще не задавал! Скажите, ребе, ну почему еврею полагается иметь всего одну жену, тогда как мусульмане имеют целые гаремы? Ведь сколько жен было у царя Шломо, и это не считая наложниц! А наши праотцы – Авраам, Ицхак, Иаков – у них же было не по одной жене? Кто и почему прервал эту славную привычку? И почему можно татарину, турку и арабу, а нельзя, например, мне?

– Слушай, Нахум, мне кажется, что жениться тебе уже все-таки пора, надо будет поговорить об этом с твоими родителями. А что касается множества жен у мусульман... Отчего ты решил, что Б-г таким образом являет к ним свою милость? Мне так кажется, что это его кара!

* 9 ава по еврейскому календарю – день траура, в этот день были разрушены Первый Храм вавилонянами, а затем Второй Храм римлянами.

– Евреи, я хочу поговорить с вами о дураках, – раввин Хелма проводил холодный осенний вечер в городском ка-

бачке за кружкой пива. – Не уходите, останьтесь, хелмцы, речь пойдет не о вас! Я просто расскажу вам, какого совета просил меня проезжий коммерсант, заглянувший в наш город проездом из Лодзи в Вену. Он заглянул ко мне вечером и спросил: «Ребе, я должен принять умное решение. Я решил дать развод своей жене...»

– Послушайте, мар Гольдман! Какое бы решение вы не приняли, разводиться или не разводиться, оно может быть правильным или неверным, хорошим или плохим, справедливым, как решение Соломона или нечестивым, как мысли Ирода Великого, но оно не может быть умным.

– Объясните, ребе, почему вы сейчас назвали меня дураком?!

– Потому что вы дурак, Гольдман. Вы решили развестись сейчас – значит вы были дурак, когда подписывали брачный контракт. Если тогда вы действовали, как умный еврей, значит вы стали дураком недавно, когда решили сказать «Гет!» вашей жене. У вас нет выбора, в этой ситуации вы дурак любому. Но не огорчайтесь, я знаю дураков еще более круглых, чем вы.

– Вы имеете в виду кретинов из Швейцарии?

– Ну что вы, тем бедолагам мог бы помочь йод, если бы мамочки давали им его с раннего детства. Я имею в виду Ицика Лейбович, который умудрился жениться, развелся и снова женился, и все это он сделал с одной и той же женщиной, о чем она только думает, рожая ему детишек одного за дру-

гим шестой раз подряд! Я все же думаю, что она не думает ни о чем, особенно ночью.

– Ребе, мне надо с тобой посоветоваться, – сразу взял гуся за лапы Янкель, зайдя в маленький домик раввина. – Я люблю девушку и она любит меня...

– Так в чем дело? Женитесь, я быстро составлю ктубу и вы будете стоять под хупой!

– Ребе, дело в том, что она гойка! Ты знаешь, ребе, я так ее люблю, что готов креститься и венчаться с ней. Но она не хочет этого, она готова пройти гиюр, чтобы встать рядом со мной под хупу. Но я не хочу, чтобы она ради меня порвала со своим родными и своим народом...

– Что, родители не дадут за ней приданое, если она перейдет в иудаизм? Я понимаю, что ты будешь проклят и я первый наложу на тебя проклятье...

– Не в том дело, ребе! Я не хочу от нее жертвы, и она не желает жертв от меня. И я подумал – если мы с моей Баськой перейдем в ислам – каждый из нас отречется от веры отцов и никто не будет считать свою жертву исключительной!

В домике у раввина установилось тяжелое молчание, на кухне перестали греметь кастрюли и звякать ножи.

– Знаешь что, Янкель! А вы сразу станьте буддистами, у нас в Хелме так не хватает буддистов! И когда ваши души

перевоплотятся, я точно знаю, что в будущей жизни ты станешь дубом. Но на твоей умственной деятельности это не отразится никак!

С плачем, размазывая слезы по щекам и наматывая сопли на кулак к ребе ввалился Хаим.

– Хаим, что за горе у тебя?! – страшно переживая, спросил ребе. – Кто-то умер, не приведи Б-г? Неужели Ципора, бедная твоя матушка?

Завывая в голос, захлебываясь и заикаясь, Хаим промычал:

– Я же-же-ню-ню-сь!

– Мазл тов! Так ты не любишь свою невесту?

– Люблю больше жизни!

– Она не любит тебя? Или не согласна выйти за тебя замуж?

– Любит! Согласна!

– Тебе не повезло с будущей тещей? Родители не хотят отдавать дочку за тебя?

– Малка – мать моей Леи-Двоси замечательная женщина! А какие хремзелах она печет – объедение. И меня она любит, как сына...

– Так что ж ты ревешь белухой, дурень! Умойся и расскажи по порядку.

Пока Хаим умывался, успокаивался и пил холодную воду, стакан которой ему принесла рабанит, раввин успел прочитать не менее пяти страниц из сочинения Рамбама.

– Ребе, мой старший брат Гирш женат уже 10 лет. Он так любил свою невесту, он любит свою жену до сих пор, и детишек любит. Но как он несчастен! Он закончил ешибот, целыми днями он изучает Талмуд. Его жена Ривка работает и прачкой, и уборщицей, она ходит по богатым домам перед праздниками, чтобы помочь еврейкам на кухне и заработать грошик или геллер... Мой средний брат Мендель женат 6 лет, он любит свою Цилю и Циля любит его. Мендель закончил ешибот, он изучает Талмуд и слушай, ребе – никто не знает Рамбама так, как его знает Мендель! А если бы не помощь тестя, в доме не было бы и крошки еды, а в субботу они не могли бы сделать лехаим. Они так переживают, мои братья, а жены пилят их каждый день, ругают ленивыми дурнями и желают им, чтоб они ослепли.

А я не хочу, чтобы моя Лея-Двоя желала мне ослепнуть, не хочу, чтобы ее папа, чтоб ему прожить до ста двадцати, вынужден был кормить своих внуков. А я ведь в прошлом году закончил ешибот и очень люблю читать книги бен Маймона и ха-Наси! Несчастный я человек... – и Хаим снова заревел в голос, да так, что рабанит не удержалась, и тоже начала плакать...

– Ребе, скажите мне, пожалуйста, для чего все-таки евреи делают обрезание? Я понимаю, тысячу раз слышал «брит, брит», но все-таки! Я никак не могу для себя найти ответ на этот вопрос.

– Видишь ли, Моше, – ребе задумчиво теребил свою бороду, – ну, во-первых, это очень красиво...

Два друга встретились далеко от дома. Настоящие хелмцы, но родители решили, что они должны получить образование, «вытянулись в нитку» – и Гирш стал учителем, Меир – провизором. Пришлось уехать из родного Хелма, чтобы закончить гимназию, а потом училище, каждый по выбранной специальности. Чтобы отметить встречу, друзья зашли в кафе.

– Рассказывай, Меир, как ты и что? Почему грустный, что-то случилось?

– Получил место домашнего учителя у графа Эстерхази, три года назад женился... И надо же мне было подслушать, как граф объясняется в любви моей жене. А та, представляешь, отвечает на его признание поцелуями!

– Ой, беда! И что, ты скажешь ей «гет» – развод?!

– Как я могу сказать «гет» – она беременна, она ведь не сможет прожить – граф никогда не возьмет ее в жены, да и кто после скандала женится на ней! А моя Эстерка такая

красавица И беременна не от меня, от графа – я высчитал, ребенок не мой. Но ничего, я отомстил обоим – Эстерхазиха тоже ждет от меня ребенка!

– Вейз мир, какой ты молодец! Но отчего такой грустный, отомстил и отомстил – «око за око»... хотя здесь, конечно, не совсем тот случай...

– Гирш, подумай сам, как я могу не печалиться?! Этот мерзавец Эстерхазии сделал мне обыкновенного еврея, когда я сделал ему полноценного графинчика!

Конечно, женщины в Хелме любили своих мужчин, а как иначе – приходилось же стирать их подштанники и нательные рубахи, а сделать это без любви невозможно. И конечно же, мужчины Хелма любили своих жен, по пыльным улочкам городка бегало много разновозрастных доказательств их любви.

Однажды в Хелм заехала театральная труппа, говорят, проездом в Вену, а может быть и в Париж. Остановились на несколько дней, арендовали огромный пустующий сарай, повесили занавес и дали в нем несколько представлений при полном аншлаге. Пьеса называлась «Любовь и алая кровь» или «Грезы и горькие слезы», а может быть и как-то иначе, точного названия никто не помнит. Написал пьесу сам директор труппы, он же был постановщиком и играл главную

роль.

Можно сказать, что спектакль посмотрел с замиранием сердца весь Хелм. Сначала на сцену вышел главный герой и долго говорил о своей любви. Потом вышла героиня и рассказала о своей любви к герою. Потом все остальные действующие лица мешали герою и героине остаться наедине и поговорить. Только Фернандо решит объяснить Элоизе, как он ее любит – тотчас он нужен своему другу. Элоиза решила признаться в любви – матушка отправляет ее ухаживать за больной теткой. Лишь в финале юный Фернандо, которого играл актер чуть не под пятьдесят лет, поцеловал хрупкую Элоизу весом около 110 кг и тут же все остальные герои пьесы начали бурно за них радоваться, обнимать и поздравлять. Финальная сцена пьесы вызывала особенное обильное слезотечение у женской части публики, носами шмыгали даже многие мужчины в зрительном зале.

Удивительно было то, что посмотревшие пьесу женщины Хелма дружно, как одна, отказали своим мужьям в том, в чем последние не знали отказа со дня свадьбы. Ну совсем как в «Лисистрате», о которой у евреек Хелма не было ни малейшего представления. Евреи города собрались в доме у раввина просить, чтобы тот нашел ответ «что делать?» в Талмуде. Не все евреи, конечно же – самые активные, помоложе, но Хаим, которому скоро должно было исполниться

шестьдесят, тоже пришел.

Раввин полистал Талмуд, открыл и тут же закрыл Тору.

– Евреи, если бы вы отказались выполнять свою часть обязанностей, я бы знал, что вам ответить! Муж должен любить свою жену и любить ее он должен регулярно. Но что вам делать, когда ваши жены... не нахожу я ответа ни в Талмуде, ни в своем сердце! Надо будет спросить совета у цадика.

Ребецн, которая привычно возилась у себя на кухне, слышала весь разговор и была в курсе городских событий не стала входить в комнату, просто остановилась в дверном проеме из кухни в комнату.

– Старый ты дурень! А вы, молодые и глупые и ты, Хаим, немолодой, а тоже глупый! Ваши жены посмотрели пьесу про «Что-то-там про любовь» и всего лишь захотели не только стирать ваши портянки и чистить лапсердаки, готовить вам цимес и фаршировать рыбу! Они хотят всего лишь услышать от вас что-то ласковое, впервые в жизни получить хоть какой-то подарок, увидеть, что вы их по-прежнему любите! Когда в последний раз вы делали что-то подобное? А ведь в театре этот мишугинер Фернандо постоянно говорил и своей ненормальной и всем вокруг, как он ее любит!

Задумчивые, выходили евреи от раввина, чтобы передать соседям слова рабанит. Интересно, что такого количества

цветов хелмские цветочницы не продавали ни в один вечер ни до, ни после этого вечера. А сколько раз в эту ночь в Хелме звучало «Их гоб дих либ!» просто не поддается никакому подсчету.

Янкель и Шломо обедали. Скромный обед, но все же на стол жена Янкеля Ривка поставила бульон из куриных потрошков и нарезанную тонкими кружочками фаршированную гусиную шейку. Пара рюмок водки только способствовала такому обеду и разговору после него.

– Послушай, Янкель, ты и я любим шейку, твоя Ривка делает ее замечательно, почти как моя мама. К нам в Хелм приезжал зверинец, я видел в зверинце страуса. Вот бы, думаю, приготовить шейку из этой птички, какая бы славная получилась бы шейка!

– Не кошерно, – строго заметил Янкель.

– А мне вот интересно, почему страуса объявили некошерной птицей? Неужели из-за того, что он не умеет летать? А может быть он умеет, просто не хочет?

– Шломо, Шломо, ну подумай сам! Во-первых, где ты найдешь шойхета, чтобы сумел правильно зарезать эту птичку? Она же его может убить одним ударом своей ножки! Во вторых – во всем Хелме ты не найдешь такого огромного котла и чтоб он был кошерован, сварить такую огромную фарши-

рованную шейку!

– Послушайте, ребе, вы знаете барона Ротшильда?

Вопрос от Янкеля Циперовича прозвучал так неожиданно и нелепо, что раввин поперхнулся чаем.

– Что, лично?!

– Я не сомневаюсь, что такой многоуважаемый раввин, как вы, светоч учености и знаток Талмуда, лично знакомый с Любавичским Ребе, может знать и Ротшильда в Вене, и Бродского в Егупеце, и Полякова в Москве. Но я имел в виду то, что наш многоуважаемый ребе, конечно же слышал о бароне Ротшильде из Вены. Сейчас уже непонятно, говорят, что он переехал в Париж или Лондон, но это не важно. Мне интересно, какой чай пьет барон по утрам – с яблочным вареньем и рогелах или с медом и мандельброт?

Ребе задумался на минуту и Янкель с удивлением и страхом увидел слезы на его щеках:

– Что с вами ребе, почему вы плачете? Неужели мой вопрос так огорчил вас?

Ребе вытер слезы, громко высморкался в огромный носовой платок, который достал из кармана своего жилета.

– Знаешь, Янкель, я уверен, что Бродский никогда не интересовался, что пьют евреи в Егупеце по утрам, как барону Ротшильду неинтересно, что едят австрийские евреи в Ве-

не, французские в Париже и английские в Лондоне. Но ведь и французы, англичане. австрийцы равнодушны – есть у барона хала, чтобы встретить субботу или он должен уже пить простую воду? Я плачу потому, что только в Хелме евреи интересуются, что барон Ротшильд ест на завтрак, да может быть в Егупеце переживают, обедал ли сахарозаводчик Бродского и им интересно узнать за железнодорожника Полякова в Москве – что мама приготовила ему на ужин!

К ребецн – жене раввина зашла соседка, попросила одолжить хотя бы пол-кочана капусты – решила сварить борщок, а купусты дома нет. Следом заскочила другая соседка – без морковки цимес не приготовить, а морковки дома – только лук и петрушка. Ну как не помочь? Они ведь потом отдадут, если не забудут. Да и самой рабанит случилось то сахар, то муку у соседей спрашивать, не от бедности (слава Б-гу, раввин в Хелме не последний человек, есть что положить в кастрюлю каждый день)!

Ну зашли и зашли, получили – одна вилок капусты, вторая чуть ли не фунт морковки. Так ведь без чашки чая не отпустишь? Поболтать, свои новости рассказать, городские услышать. Это мужчины, когда к ребе приходят, разговоры ведут о политике и обсуждают сложные места в Торе. Налила подругам чай, заварки не пожалела, варенье и тейглах поста-

вила – угощайтесь. Дверь из кухни в комнату открыта – чего теплу от печки пропадать? Домик у раввина хороший – приходящая и одна комната, кухня с плитой, конечно, отдельная. А зачем им с женой больше? Что им, как Бродскому или, не дай Б-г, как Ротшильду, замок содержать.

– Глупая женщина Фира Гольдман, доведет своего мужа – получит развод, – начали обсуждение, переминают косточки. – Второй год, как замужем, все хочет мужа переделать, все она его перевоспитывает!

– А вот у аптекаря нашего жена умница, она его осторожно учит, не кричит и не тыкает носом, переделать не пытается.

– Да, умница, дай Б-г ей хороших деток и жить до ста двадцати!

– Интересно, а что делает со своим мужем мудрая женщина?

– Она его принимает таким, как он есть! – подал голос из комнаты раввин, который невольно слышал женский разговор на кухне.

На окраине маленького местечка мальчик пяти лет играл с волчком. Ханука прошла, пришло лето, а волчок остался – грубая заостренная чурка, четыре стороны которой были ярко

раскрашены в разные цвета. Короткие штаны на помочах, черная кипа, светлые волосы на висках закручены в длинные пейсы.

Первая Мировая, потом Гражданская война почти не задела маленький штетл* в Белоруссии, во всяком случае, не задела семью Йоси. Отступление русской армии и наступление немецкой, выселение евреев из прифронтовой полосы, красные и белые, зеленые и войска Пилсудского прокатывали по местечку, евреям оставалось только терпеливо ждать, чем новая волна закончится. Ну, терпения им было не занимать, ждали и молили своего сурового Б-га, чтоб только не было погрома.

Недалеко от крайнего дома, на пустыре его старшая сестра присматривает за козой, другая сестра, еще старше, хлопчет по дому, помогая матери. Самые старшие, два Йосины брата – один заканчивает учебу в ешиботе, а второй уехал в соседнюю Литву служить раввином в почти таком же штетле. Отец, как обычно, читает Тору или Талмуд в синагоге, а может быть, кто-то из соседей зашел к нему поговорить или соседка заглянула, спросить совета.

По улице местечка шел почтальон в старой, еще имперской почтовой форме. На черном форменном сюртуке сверкали два ряда пуговиц, блеск пуговиц на обшлагах, значки

в петлицах, фуражка украшена бляхой. Густые усы в разлет, через плечо тяжелая сумка, сегодня кто-то на этой улице получит письмо, а может быть даже бандероль. Йоси замер и затрепетал от увиденной красоты, а потом на весь штетль раздался его крик, когда он не жалея пяток неся домой:

– Тато, их гоб гезеен а генерал! Их гоб гезеен а генерал!***

* маленький город, местечко (идиш)

** Папа, я видел генерала! (идиш)

– Мама, что ты мне посоветуешь? Меня пригласили на свидание сразу двое, – Ента всегда советовалась со своей мамочкой, во-первых, она была очень послушной девочкой, а во-вторых – в старые времена и в рассказах о ранешнем времени дети чаще советуются со своими родителями, если вы верите рассказам. Ента продолжила, увидев, что мамуля превратилась вся в ухо:

– Одного ты знаешь, это Гиршеле, сын нашего резника. У второго такое красивое имя – Эдмон! Он недавно приехал в Хелм из Вены, у его отца и деда здесь какие-то дела. Он такой фантазер, постоянно рассказывает мне о Вене и о Париже, обещает увезти меня их Хелма!

– Доченька, ну подумай сама. Гирша и всю его семью мы

знаем много лет. Его отец – шойхет, Гирш скоро сдаст экзамен и тоже станет резником, уж что-что, а голодать и бедствовать ты не будешь, пока в Хелме будут жить евреи. Кто-то обязательно должен зарезать корову, овцу или хотя бы курицу, чтобы жены могли приготовить обед своим мужьям. А Эдмон – кто его знает, еврей ли он и соблюдают ли в его доме субботу? И откуда он только приехал на нашу голову, и какую фамилию носит его отец?!

– Ротшильд или что-то в этом роде...

Как в любом порядочном еврейском городе, в Хелме были свой ребе, свой городской сумасшедший и своя блудница – не хуже, чем в Егупеце, Париже или даже в Вене. В Хелм, бывало, приезжали коммивояжеры и закупщики, должны они с кем-то проводить свободное время, как вы думаете? Ривка – хелмская Юдифь, посещала по субботам синагогу, в Пейсах ела мацу и соблюдала пост в Судный день. В синагоге она поднималась на женскую «половину», но между ней и женщинами Хелма всегда оставалось свободное пространство, как бы тесно не стояли еврейки. Раввин не выказал своего удивления, когда вечером Ривка пришла к нему, но рабанит негодующе фыркнула и ушла к себе на кухню, не закрыв, однако, дверь в комнату.

– Ребе, прошлой ночью у меня в гостях был закупщик, такой приятный чисто одетый человек, он шил свой костюм в Вене или в Лодзи, несомненно. Но утром я заметила, что купюра, которую он мне оставил – фальшивая. Скажите мне, ребе, он меня изнасиловал или обокрал?

Привычно раввин начал листать Талмуд, когда из кухни послышался голос его жены:

– Дурень, что ты ищешь ответ там, где его быть не может! Все очень просто и незачем попусту трепать книгу. Если ты таки получила удовольствие прошлой ночью – тебя обокрали, а если нет – изнасиловали. Тоже мне, ай гицем паровоз!

Взволнованная и потная, колыхая пышной грудью, в домик раввина быстро вошла девушка. Она спросила рабанит (жену раввина), но та уехала проводить свою замужнюю дочку, потискать внуков, но пуще всего – немножко отравить жизнь своему зятю, который по ее мнению недостаточно любит свою жену, плохо заботится о своих детях и совсем не уважает тещу. Пришлось равву самому разговаривать с девицей.

– Ребе, сегодня вечером моя свадьба, я буду стоять под хупой...

– Мне ли не знать об этом, если я должен буду стоять на-

против?!

– Ну да, ну да... Я хочу спросить, ведь после свадьбы, я буду лежать в постели со своим мужем...

– И что удивительного? То есть что тебя удивляет, ибо сказано в Торе «Плодитесь и размножайтесь»!

– Ну да, ну да... Я хочу спросить тебя, ребе, о чем мне следует думать, когда... ну вы понимаете, когда...

Раввин помолчал немного и спросил:

– Ты ведь Лия, дочка хромой Рахили? Той Рахили, дочери Малки, и следовательно ты Малкина внучка... Когда будешь лежать в постели со своим мужем, когда он начнет снимать с тебя рубашку – поблагодари от моего имени свою бабушку Малку.

– За что, ребе?! – удивилась Лия.

– За то, что когда-то давно, на свадьбе у Пинхуса Дворкина, когда я потискал ее в темном месте у забора, она вlepила мне пощечину. Она мне нравилась, а после той пощечины у нас ничего не сладилось и теперь, слава Г-ду нашему, у меня нет такой дуры-внучки!

Меир Вольф снова пришел к раввину, чтобы задать свой вопрос. Известно ведь, что любой житель Хелма способен задать столько вопросов, что на них не будут успевать отве-

тить все жители Егупеца, не только раввины. А сложность вопросов жителей Хелма бывает такой, что собравшись вместе, раввины Егупеца не могут найти на них ответы. Будь это во времена гаонов, можно было бы написать в Вавилон или хотя бы в Ерушалаим, но... Не таков был хелмский раввин, наполненный мудростью Талмуда и комментариям Раши, он всегда знал, что сказать не только евреям!

– Ребе! – спросил Меир, – почему мир устроен так, что летом, когда мы изнываем от жары, когда так хочется снега и льда, никогда с неба сыпется снег? Зато зимой, продрогшие до костей, мы мечтаем об июльском зное, но солнце нас не согревает, только светит?

Раввин полистал ТаНаХ, для этого ему не пришлось даже одевать очки, очки уже сидели у него на носу. Видно было, что Книгу он листает для виду, обдумывая ответ, а не ища его среди страниц.

– Послушай, Меир, если бы летом вдруг пошел снег, а моя Лия, дай ей Б-г дожить до ста двадцати, как раз разложила просушиться перину и подушки? Ты только представь, какая это была бы неприятность! А ты Меир, зимой ты переехал к своему тестю на другой конец Хелма, перестал топить печь, чтобы выморозить всех своих тараканов. И что? Среди января начинается жара и эти твари возвращаются к тебе жить, тебе приходится возвращаться домой, даже не попробовав бульон с манделах, который приготовила твоя теща, не отве-

дав ее рогаликов. Хорошо бы это было?

И ушел Меир Вольф из дома раввина, размышляя о безмерной мудрости Г-да и благодаря его за то, что прислал к ним в Хелм такого мудрого рава.

Меир Вольф из Хелма пришел к раввину, чтобы задать вопрос:

– Ребе, каждый еврей знает, что рыба очень полезна для ума, в ней так много фосфора. Как ты думаешь, где едят больше селедки – в Егупеце или в Касриловке?

– Ты знаешь, Меир, иногда мне кажется, что в Хелме рыбы не едят вовсе, а всю селедку, которую должны привозить в наш с тобой Хелм съедают Бродский и Высотский.

– Ребе, я каждый вечер за ужином съедаю гекахте фиш, моя Лея-Двойра готовит ее так вкусно! И съедая по целой селедке вечером, я должен потом ночью вставать несколько раз, чтобы утолить жажду. Сколько же воды выпивают ночью сахарозаводчик Бродский и чайный фабрикант Высотский?!

– Меир, они не пьют воду, они пьют чай, даже ночью.

Спокойная жизнь в городе Хелм ...но вы же не поверите,

что жизнь в Хелме была всегда спокойной? То разругаются до самых страшных проклятий соседки и бывшие лучшие подруги Лея-Двося и Злата, то обнаружится, что городской шойхет неровно дышит к жене меламеда, а та позволяет ему придти переночевать прямо днем, пока меламед учит талмуд с детьми в хедере. И что интересно – ни один самый секретный секрет не мог оставаться секретом больше двух часов – проверено многократно! Стоило только молодому Менделю проводить Рахилю домой и помочь ей нести тяжелую корзину с базара, как женщины Хелма начинали обсуждать, сколько должен будет выплатить Мендель по ктубе, когда будет давать Рахиле развод. На женской половине синагоги всегда было что обсудить и какой новостью поделиться.

Дочка хелмского лавочника Руфь (дай Б-г её отцу Рувиму столько денег, сколько хелмцы думали, что у него их есть) приехала из Варшавы, где училась на женских курсах (надо же, втемяшилось девчонке, что должна она стать акушеркой!) Ну приехала и приехала, должна же она была когда-то и домой приехать, не все же учиться. Так нет, вместе с ней приехал молодой мужчина. Уже скандал! А что зовут его Яцек – то не скандал?!

Яцек – так Яцек, с кем не бывает, но он же сразу пошел к раввину, тот позвал за моэлем и втроем они долгое время обсуждали что-то в домике у ребе. Кто только из соседок не заходил к ребецн за эту пару часов – и соль попросит, и капуста вдруг дома кончилась, и муки не хватило, чтобы

испечь тейгелах – ребецн никому не отказала, но принимала посетительниц на кухне. а дверь в комнату была закрыта. Хорошо, что буквально на следующий день весь Хелм только и говорил. что о готовящемся брите Яцека, который выбрал себе новое имя Янкель, и что вскоре после бритмилла Янкель и Руфь будут стоять перед ребе под хупой. И ведь что интересно, уже через полгода молодому геру поручили читать в субботу очередную главу из Торы!

А когда Йоселе-портной, сын портного Боруха привел в дом гойку Анелю?! Его мать кричала «Убивают!», каталась по полу и протягивала сыну ножик – просила зарезать её, чтобы не мучиться. Ну что с того, то Анеля прошла гиюр и окуналась в микву – свекруха не имела для неё другого имени, как «шикса». И в комнате у Йоселе с Ханой (бывшей Анелей) всегда чисто и убрано, и на кухне порядок, и никогда она не приготовит дома трэфного – всем бы мужьям такое золото, как Хана (кто не пропивает последний грошик в шинке, а несет его домой, чтобы отдать жене). Ну подумать только, уже двое внуков у Голды, матери Йоселе-портного, скоро будет третий. а все «шикса» да «шикса»!

Подумать только...

Евреи Хелма считали свой город средоточием учености и мудрости, ставя его в один ряд с такими университетски-

ми городами, как болонья в Италии. Монпелье во Франции и Толедо в Испании. Некоторые талмудисты Хелма договаривались до того, что сравнивали город с Вавилоном эпохи гаонов. Хромой Меир однажды сравнил Хелм с Иерусалимом, но такой дерзости ему не позволили, максимум – с кабалистическим Цфатом.

Среди ученых мужей Хелма выделялись талмудисты и знатоки ТаНаХа Гиршеле и Менделе, правда, им оставалось прочесть еще примерно страниц пятьсот священной книги, но среди мудрецов Хелма они считались самыми выдающимися – у Гирша ведь был третий том комментариев Раши*, а Мендель почти закончил чтение Агады** и собирался приступить к изучению Шулхан арух***.

Спорщики Гирш и Мендель были завзятые, переспорить своими неистовыми криками могли любого, потому с ними старались не связываться и оставалось им объяснить темные места из прочитанного только друг другу. Так ведь известно: два еврея – три мнения! И спорили они до хрипоты, а иногда и до выдранных бород и пейсиков.

Если один из них, скажем, утверждал, что река Итиль впадает в Хвалынское море, второй тут же поправлял, что не Итиль, а Ра и не в Хвалынское. а Хазарское. И тут же затевался спор о том, пришли хазары прямо из Иудеи или сначала останавливались в Вавилоне, сами ушли или выгнал их Нерон с Титом, все десять пропавших колен населяли Хазарию или только колено Реувена. ушли они потом в Буха-

ру с берегов Каспийского моря или составили основу казачества на Дону.

Ну, казалось бы, что еврею до казаков?! Так нет, спорят до хрипоты – фамилия Мелехов произошла от слова «царь» или от «соль»? Ну скажите, если казак стегнет по спине нагайкой, вам будет не все равно, как его зовут и от какого еврейского слова происходит его фамилия, даже если его родословная будет восходить до самого кагана?

– Послушайте, ребе, – Йосл бледнел, потел, постоянно вытирал лицо платком – он очень волновался. – Послушайте ребе, я уже начинаю бояться, добром для меня это не кончится. Я так начинаю бояться. что уже каждую ночь жду. когда меня придут арестовать и пусть закончится этот ужас.

– Йосл, расскажи подробно, чего следует бояться мелкому гешефтмахеру? Или ты должен денег Зюссу, а может самому Ротшильду и они требуют их вернуть? Ну так верни что должен и спи уже спокойно!

– Слава Богу, Ротшильдам я ничего не должен, но разве вы не слышали, что в самом Париже арестовали этого Дрейфуса-Шмейфуса и его будут судить военным судом? Он ведь шпион, а это значит «пиф-паф» и все кончено!

– Еще не «пиф-паф» и какое отношение Дрейфус имеет к нашим хелмским евреям?

– Ребе, я ведь езжу туда и сюда. там купил – здесь продал, из Парижа в Вену, из Хелма в Черновцы, с того и живу. Австрийские жандармы свободно могут арестовать меня в отместку. что французские арестовали Дрейфуса. Во-первых, я веду свой гешефт и с французами, я почти свободно говорю уже и по-французски. А во-вторых я знаком со старшим конюхом графа Эстерхази, он два раза покупал у меня туалетную воду, которую я привез ему из Парижа. Правда, что ни французская, ни австрийская таможня не получила причитающейся пошлины, но за это я уже почти не боюсь, они ведь арестуют меня, как шпиона. а не как контрабандиста!

– Послушай. Йосл, мне кажется, что австрийским жандармам есть до тебя дело, как Моше волновался, что будет с египтянами после десяти казней! Спи уже спокойно и не бегай по Хелму, размахивая руками, будто ты ветряная мельница. Ты скажешь жандармам, что привозишь из Парижа не только туалетную воду для конюха графа Эстерхази, но и голландские сорочки лакеям канцлера Бисмарка в Берлин.

– Ойц, какое вам спасибо, ребе, ведь это почти чистая правда, жить вам и жене вашей, и деткам до ста двадцати! А что, вы думаете, на них это подействует?

– Йосл, важно, чтобы ЭТО подействовало на тебя! Иди уже и поменяй свой платок, ты так вспотел, что он уже мокрый насквозь. Я только боюсь, что сейчас ты испугался. как тебя не приняли за французского шпиона, а потом ты испу-

гаешься, что тебя сошлют на остров, как французского императора.

– Ребе, вы знаете, какой умный у меня кот? – Мотл зашел к раввину не с пустыми руками, мужчинам теперь было с чем отведать кисло-сладкое мясо, приготовленное женой ребе.

– Это такой умница, такой умница! Напроказит чего-нибудь, я только соберусь его пожурить, а он или под диван спрячется, мне его не достать, или на шкапу сидит, не буду же я за ним лезть на верхотуру. Лехам, ребе! Но не про это я хочу вам рассказать, ребе. Заметил я, что в первой половине дня котик мой, мой Васька (не давать же коту человеческое имя Шмулик или там Шломо) ест только молочное! Вот поставит ему жена моя Ривка блюдце сметаны или сливок – вылизет его подчистую и ни за что не притронется к мясному, да Ривка и не осмелится ему предложить мясо, правду сказать, ребе, что мясо у нас в доме и нечастый гость. Зато как он вечером ловит мышей, которые у нас дома частые гости. И ведь именно вечером, когда уже можно и мясного поесть. Поймает одну-другую мышку и съест их. а сам так и мурлычет «Ш-мя-у, ш-мя-у!». вот просто слышу от него «Шма, шма». *

– Очень интересно, Мотл, очень, – только и мог вставить раввин, как гость продолжил, не забывая наливать себе и хо-

зяину из принесенной бутылки, цепляя на вилку очередной кусок мяса и макая в подливку кусок лепешки.

– Ребе, я уверен, что мой кот, мой Васька – еврей, иначе к чему ему так строго соблюдать кашрут? Сказано же в Торе «Не вари козленка в молоке его матери» – он и не ест мясное вместе с молочным, такой молодец! Ребе, как вы думаете, если котика моему сделать обрезание?

Через неделю Мотл подошел к раввину в синагоге.

– Вы помните, ребе, про моего кота? Ну конечно помните, как про такого забудешь! Нет, все-таки гой останется го-ем, Васька – он Васька и есть! Буквально вчера, покормила его Ривка сметанкой, слава Б-гу, корова наша доится, пусть у всех матерей для их новорожденных будет столько молока, сколько дает моя корова. Съел котяра сметану и пошел гулять во двор. И прямо на моих глазах зазевавшегося воробья прямо слопал, вот прямо с перьями! А ведь так соблюдал, так соблюдал!

– Ребе, вы слышали эту новость – Хаим-Борух, муж Соре-Ривки вернулся от своего цадика, у которого он жил последние 2 года, изучая каббалу. Подумайте, все уже называли Соре-Ривку «соломенная вдова», два года мужа нет дома, и тут он вернулся. И что самое интересное, он принес с собой чубук от трубки, которую курил цадик! Вы знаете, какой это чудесный чубук? Все хотят его иметь хотя бы на пару затяжек из трубки – он, этот чубук, приносит счастье! Мотл-мо-

лочник из Касриловки вез свои бидоны на базар в Хелм и перевернулся на телеге, когда дорога шла через овраг. И знаете что? Он вполне мог убиться, такой крутой там подъем, но накануне он половину часа курил трубку с этим чубуком и отделался всего лишь сломанной ногой и двумя сломанными ребрами! А Гирш, который готов был дать «гет» своей жене Рахель – она никак не могла родить ему ребенка. Так он взял чубук у Мотла на целую ночь и уже через пять месяцев он должен стать отцом. Подумайте, ребе, разве это не чудо – его полгода не было дома, одна ночь с чубуком от трубки цадика – и через пять месяцев у него родится, если Б-г даст, сын! Ну, если Б-г не даст, то родится дочь, но Рахель и дочке будет рада. А вы знаете, ребе, как рада Соре-Ривка? Ведь за каждую затяжку, за каждые полчаса, на которые она даст попользоваться чубук, ей платят живые деньги! Сегодня даже г-н помещик прислал три рубля – он хочет этот чубук на целую неделю!

– Послушай, Ицик, что ты пристал ко мне с эти чубуком?! Не собираюсь я арендовать этот чубук ни у Соре-Ривки, ни у Хаим-Боруха, ни у самого цадика!

– Ребе, ребе, вы неправильно меня поняли! Ведь хасидский цадик – такой же раввин, как и вы. Вот если бы вы дали мне чубук от своей трубки...

После этих слов в доме раввина настала тягостная тишина, которую все-таки пришлось прервать раввину:

– А это ничего, Ицик, что я не только не цадик – я не ха-

сид? Это ничего, что я НЕ каббалист и никогда НЕ читал книгу «Зогар»?! И это ничего, мишугинер, что весь Хелм знает, что я не курю трубку и вообще не курю?!!

История эта, как все широкоизвестные истории, обросла нелепыми подробностями, глупыми деталями, попросту враками, правда оказалась погребена под вымыслами.

Известнейшие каббалисты в Цфате, читая Тору и производя необходимые вычисления согласно гематрии, нашли способ избавить человечество от пороков, вернуть мужчин и женщин в райские кущи, где не будут они голодать, не придется им проливать пот, добывая свой хлеб, не испытают женщины мук при рождении детей. И уж конечно, исчезнут войны, моровая язва и стригущий лишай. Для этого надо, чтобы десять праведников составили миньян, совместно прочли вечернюю молитву и заклинание. Заклинанием этим пользовались еще халдеи, когда им нужно было прекратить град, повысить урожай ячменя или снять зубную боль.

Беда в том, где в Палестине найти десять праведников?! Кого римляне не увели в рабство, того арабы обратили в мусульманство, кого не убили крестоносцы, тот сам уехал в Черновцы, Вильно или в Бердичев. Вот и получается, что собрать миньян из праведников под силу только хасидам. Получив письмо из Цфата, любавичский ребе долго морщил лоб, чесал свою бороду, так что жена собрала чистое белье и приказала сходить в баню, а ведь только четыре дня назад

ребѣ в ней парился. Задача собрать вместе десять праведников была такой непростой, что ребѣ позвал к себѣ в дом цадика из Хелма, который по счастью остановился в ярмарочной корчмѣ – через два дня в Любавичах собиралась большая ярмарка.

Сначала любавичский ребѣ и хелмский цадик несколько раз прочитали письмо из Цфата, потом они долго спорили, затем любавичский ребѣ достал пачку чистой бумаги, перья, чернила и все, что нужно для письма и два раввина долго чиркали бумагу. Писем было так много, что марками, которые клеили на конверты, можно было почти совсем обклеить стенку в домике любавичского ребѣ, если, конечно, клеить изнутри, а не снаружи.

Полетели письма во все концы, два письма даже к караимам попали, но это потому, что уже тогда почта в Россіи плохо работала. Во всех письмах было предложение назвать имя праведника и помочь ему добраться до Хелма (на сборе в этом великом городе особенно настаивал цадик). Но что самое интересное – письма еще были в пути, их везли почтовыми тройками, перекладывали с места на место на почтовых станціях и почтамтах, а все евреи в чертѣ оседлости и чуть-чуть за ее границами только и говорили, что о поисках десяти праведников..О праведниках говорили и в синагогах на мужской половинѣ, и в корчмах, где собирались гешефтмахиры и маклеры, о праведниках рассуждали на жен-

ских балконах синагог и возле общинных печей, куда ставились субботные чолнты.

– Муж Енты, Хаим...

– Что вы говорите, Лея, вы только послушайте, что вы говорите! Хаим, который не выругавшись, не сможет связать двух слов – праведник!

– Может быть, Мотл из Касриловки?

– Который Мотл, тот что так любит танцевать фрейлахс на каждой свадьбе, который не пропускает ни одной вечеринки, когда его семья ужинает одним куском хлеба на семерых? И это вместо того, чтобы работать, а не проживать приданое своей хромой Голды?!

И вот такие разговоры велись в каждом местечке, а также в Егупеце, на Москве и в самом Санкт-Петербурге.

Конечно же, разговоры евреев дошли и до хозяина Преисподней. Озабоченный и хмурый он вызвал своих самых близких подручных.

– Новость вы знаете, эти выдумщики из Цфата совсем не пугают меня, пусть делают свои вычисления и царапают свои заклинания. Но когда хелмские хасиды принимают участие – это оборачивается для меня большой бедой.

– Адони, зачем тебе беспокоиться? Я сама займусь нашими мудрецами и вы увидите, что они не вас, а себя доведут до беды, – Лилит была чертовски хороша и как всегда убедительна.

Послушайте, два или три года евреи канителились – кто-таки среди них праведник? Чаще всего оказывалось, что праведник совсем недавно умер, только-только по нему отзвучала поминальная молитва. Или праведнику всего несколько недель от роду и никак он не может участвовать в составлении миньяна. Но все-таки, все-таки десять их собралось в Хелме накануне ярмарки. Благоговейно смотрели евреи, как важно шли они в синагогу, старались вдохнуть запах, который исходил от них, запах густого дегтя от сапог и редьки с луком из ртов.

Всю ночь молились праведники, трижды прочли они составленное в Цфате залинание, а утром... Утром балагулу Пинхаса, как обычно, нашли мертвецки пьяным в придорожной канаве и жена его Сарра со слезами и криками повела домой, внимательно осматривая его штаны и лапсердак – сможет ли она самостоятельно почистить и починить их или придется обращаться к портному Арье?

Нет, не получилось в этот раз у праведников избавить евреев от пороков. Пришли к ним любавичский ребе и цадик из Хелма, стали все двенадцать думать, что не так и как сделать «так». И после долгих-долгих споров, чтения книг Та-НаХа сказал хелмский цадик:

– Евреи! А хоть вы все и праведники и не зря собрались здесь, признайтесь, что у каждого есть темная половинка, о которой вы хотите забыть и даже забыли! Кто-то выпил гло-

ток воды в Йом Кипур, кто-то из вас (упаси Б-же, я не утверждаю!) попробовал сало (и трое незаметно обтерли себе губы), а кто-то не просто пожелал жену своего соседа, а делил с ней кровать (и двое вздрогнули, словно обманутые мужья уже стучали в двери). И что же нам делать? Надо собрать не десять, а двадцать праведников – тогда уж точно, сложив праведные половинки может получиться миньян и заклинание обретет силу!

Задумчивыми разъезжались праведники домой – как же подсчитать в душе своей праведность, составляет ли она хотя бы её половину?

Хелмский раввин пришел домой из синагоги, а там, о радость! гость – реб Мотл Дворкин. Сидит за столом, пьет чай, который ему предложила рабанит, лицо у Мотла «девятого ава», словно только что у него на глазах с рабби Акивы содрали кожу. Раввин достал настойку, которой изредка лечил печали, две рюмочки-наперстки:

– Рассказывайте, реб Дворкин, надеюсь, никто не умер?

– Горе мне, ребе, горе, лучше бы он умер, мой мотек, мой сын Лейба! Этот паршивец, этот мишугинер коп крестился!

Пришлось раввину налить еще по наперстку, первую-то чуть было не выплеснул наружу, закашлявшись от такой новости.

– И в какой церкви он это сделал? Я имею в виду, стал он

православным или католиком?

– Сейчас он католик, не зная им вечного покоя после Суда!

– Ну что вы, Мотл, это уже неплохо. Я уверен, что это гораздо лучше, чем если бы он стал адвентистом. И пусть он стал католиком, но ведь не ушел к саббатианам...

– Я прокляну его, клянусь нашими праотцами, прокляну! Вы бы знали, что творится у меня дома – жена плачет, дочери в слезах, теща моя третий день не выходит из своей комнаты, совсем перестала со мной разговаривать, ничего не ест, только завтракает и обедает.

– Вы знаете, реб Дворкин, я ведь знаком с хелмским ксёндзом, паном Юлианом. Он, хоть и католик, но вполне приличный человек, мы иногда играем с ним и отцом Петром в преферанс по маленькой. И вы знаете, совсем недавно, заказывает отец Петр восьмерную в трефах, я, конечно вистую, пан Юлиан тоже объявляет «вист». Ну, думаю, всё – выпустим! Так нет, пан Юлиан выходит в пику – я бью туза у батюшки. Я выхожу в бубну – ксёндз убивает поповский марьяж. так мы славно в темную отца Петра раскатали – без трёх ушел!

– Вейз мир, ребе, горе мне! Прокляну, как есть прокляну! Не будет у меня сына, а у Лейбы наследства! Голодранцем помрет, сухой корке будет радоваться.

– Мотл, возьмите себя в руки и в те же руки возьмите рюмочку, я уже налил. Вы ведь знаете вашего соседа Гольдма-

на? Как вы думаете, он хороший человек?

– А почему вы спрашиваете? Вы что-то про него знаете?! Он занимал у меня деньги и всегда отдавал мне в срок. Вот совсем недавно он снова занял у меня... Скажите, ребе, вы что-то знаете о его гешефте?! Он не сможет отдать мой займ?!

Ой, горе-горе!

– Перестаньте так убиваться, реб Дворкин, так вы никогда не убьетесь! Я имею в виду, что он, этот Гольдман, неплохой человек. Он развелся со своей женой уже давно, но он не бросает помогать своим детям, а их у него от неё трое. Да новая жена нарожала ему четверых, подумайте, какой плодовитый этот Гольдман, жить ему до ста двадцати! Я говорю, что он развелся с женой, но он ведь не развелся с детьми, не так ли?

Горе мне, горе! Прокляну...

– Мотл, вспомните, что красавца Йосефа братья продали в египетское рабство. Но ведь Йосеф не бросил своих братьев, не оставил их умирать от голода?

– Я сам готов продать этого гоя, моего мотека, моего Лейбу египтянам, берберам, маврам и верьте мне, я дорого за него не запрошу!

– Выпейте, реб Дворкин, выпейте, – раввин с грустью посмотрел на быстро пустеющую бутылку...

– Реб Фельдман, скажите мне, реб Фельдман... да вы на-

ливайте, наливайте – как вам наливка, которую приготовила моя Песя?! Скажите мне, реб Фельдман... вы, конечно же, можете не говорить, я не настаиваю, мы можем просто сидеть и кушать лепешки, и пить чай, и не только чай, но скажите мне, как на духу! Вы были такие друзья с Мойше Пейсахом, такие друзья – не приведи Г-дь! А теперь вас не видно не то, чтобы рядом – вас не видно даже близко. Что-то случилось, реб Фельдман? Поверьте, мне не просто интересно, просто интересно – это моей жене, дай Б-г ей здоровья, чтоб ей там прищемило нос, куда она его любит совать! Мне надо бы знать, что творится у нас в общине между такими уважаемыми евреями, как Фельдман и Пейсах?

Реб Фельдман сидел в комнате у ребе, пил уже пятую чашку чая, кушал шестую лепешку, приготовленную рабанит, макая лепешки то в мед, то в варенье. Нет, никто не считал, сколько лепешек съел Фельдман этим вечером и сколько рюмок вишневой наливки он уже выпил, но рабанит могла совершенно точно ответить на эти вопросы.

– Вы знаете, ребе, я не люблю говорить про это, но вам я скажу как на духу – если Мойше Пейсах будет идти по улице, то я пойду по совсем другой улице, если ему надо будет пойти налево, так я охотно пойду направо – лишь бы не оказаться с ним вместе на одном перекрестке. И спросите меня «почему»?

И ребе вместе с рабанит тут же воскликнули: «Почему?»

– Вы знаете, что мы с ним не только дружили, мы с ним

сделали вместе немало гешефтов, зарабатывая на маленький кусочек хлеба для своих детишек и чтобы было что пожертвовать вашей синагоге. Часто мы отказывали себе буквально во всем, мы голодали и холодали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.